

И Лейферкус с народом говорит

“Камерные вечера в Большом” замышлялись как мероприятие для посвященных – недаром инициатор цикла Петр Поспелов дал ему подзаглавие “Пароль: Фиделио”, подчеркивающее элитарный характер (и, в скобках заметим, встреченное в штыхы руководством театра). “Большой открывает двери, – декларировалось в буклете, – музыкальным направлениям, имеющим ценителей во всем мире, но долгие годы остававшимся за рамками деятельности первой сцены страны”. Предполагалось, что “Камерные вечера” будут знакомить москвичей с западными ансамблями и солистами, никогда прежде в российской столице не выступавшими. Так оно поначалу и было. Однако с нынешнего сезона цикл трансформировался в парад звездных вокалистов, что уже само по себе сузило его рамки. Участие же представителей мейнстрима, пусть и входящих в мировую исполнительскую элиту, и вовсе уводит “Камерные вечера” далеко от первоначального замысла.

Сергей Лейферкус, чей концерт состоялся в Бетховенском зале 8 марта, не столь уж редкий гость в Москве, в том числе и в Большом. Гость, безусловно, всегда желанный, но в контексте “Камерных вечеров” немного не из той оперы, поскольку речь в данном случае шла уже не об открытии чего-то нового, но о встрече с давно и хорошо знакомым.

Новым и неожиданным оказалось лишь то, что певец выступил на сей раз и в качестве ведущего собственного концерта, поздравив с праздником присутствующих дам, объяснив, что Глинка задумал цикл “Прощание с Петербургом” как единое целое и потому аплодисменты после каждого романса нежелательны, но “если очень хочется, то можно”, а также элегантно намекнув насчет мобильных телефонов.

Как показало дальнейшее, подобное начало понадобилось певцу в качестве своего рода камертона, дабы настроить себя и публику на волну непринужденной, интимной беседы. По крайней мере, в первом, “глинкинском” отделении такая интонация была явно преобладающей. Во втором отделении, посвященном романсам Бородина и Даргомыжского, повествование приобрело более драматический характер, а в таких произведениях, как “Спесь”, “Червяк”, “Мельник” и исполненная на бис “Блоха” Мусоргского, на первый план вышло лицедейское начало.

Прямо скажем, не столь уж многие певцы сегодня решились бы потчевать публику подобной программой. Если уж романсы – то Чайковского или Рахманинова. Но Глинка, Бородин и тем более Даргомыжский требуют помимо всего прочего такого владения русским словом, какое у новых поколений вокалистов редко бывает по-настоящему развито.

С. Лейферкус

У Лейферкуса же каждое слово не только понятно, но и соответствующим образом проинтонировано. Можно даже сказать, что слово – едва ли не главное его оружие. Именно дикция, или точнее – гипертрофированно четкая артикуляция каждого слова, стала в зрелые годы одной из наиболее характерных черт его исполнительской манеры, удивительным образом способствуя решению даже и чисто вокальных задач, благодаря чему его лирический по своей природе баритон со временем стал легко одолевать сколь угодно драматические партии. Но, как известно, за все приходится расплачиваться, и если прибывает в одном месте, то убывает в другом: расширяя свои выразительные возможности, певец постепенно утрачивал светлый, лирический тембр, его голос становился жестче и суше. В данном случае эти свойства к тому же еще и усиливались специфической акустикой Бетховенского зала. И если в борьбе с этой акустикой Лейферкус в конечном счете вышел победителем, то прежде всего благодаря хорошо усвоенному им шляпинскому завету: в правильности интонации, в окраске слова и звука – вся сила пения.

“Почему в зале нет молодых певцов?” – спросил меня знакомый меломан. Вопрос несправедлив: перемещение акцента в цикле “Камерные вечера в Большом” исключительно на вокалистов, казалось бы, в первую очередь предполагало возможность для тех, кто делает первые шаги на этом поприще, учиться у прославленных мастеров разных школ и направлений, не покидая стен родного театра. Уроки Сергея Лейферкуса оказались бы для них куда как нелишни, но обнаружить кого-либо в зале, к глубокому сожалению, не удалось. Не было, впрочем, и никого из руководства театра, но это уже совсем другой сюжет.

Дмитрий МОРОЗОВ
Фото Евгения БУРМИСТРОВА

Кучинова. – 2004. – 18-21 марта. – с. 13